

У2
ЛД С 17

АЛЬБИНА
САМУСЕВИЧ

+

*Нагельный
крестик*

119944

АЛБИНА
САМУСЕВИЧ

+

*Нателный
крестик*

Читальный зал

Центральная городская
библиотека им. А. П. Чехова

Калнинградская
ЦБС

F2
A 217

1993

В глубь бессонниц прорастаю
в ожидании рассвета...
Птицу счастья окликаю —
ни ответа, ни привета.
Август-свет, мой собеседник,
я в садах твоих прозрею.
Напишу свой стих последний,
парусом взметну на рею!
Мне не надо громкой славы,
мне не надо ложной лести.
Дайте сладкой мне отравы —
нежности нательный
крестик.

* * *

Сколько ниточке ни виться,
тает дней моих клубок...
Хороша в руке синица,
в небесах — журавль далек.

Сколько платьев износила,
ни одно не позабыть.
А душа лишь попросила
детства розовую нить.

Сколько туфель истоптала,
под собой не чуя ног
А душа босой осталась,
обогнав меня чуток.

На судьбу пенять негоже:
не затмила ночь мой путь.
Старше я, душа — моложе,
разберемся как-нибудь.

КОСТЕР

Горит воображения костер —
за гранью слуха, за пределом зренья.
Мой зорок глаз и слух — остер,
но как ничтожны все мои прозренья.

Так прозревает тьма полузакрытых век,
предвосхитив шагов моих созвучья...
Я слышу, как в огне потрескивают сучья,
вокруг костра подтаивает снег.

Пытаюсь тщетно отыскать в золе
виденья птиц, что в воздухе парили.
Они нашли себе подобных на Земле.
им огненные крылья подарили!

СВЕЧА ПАСТЕРНАКА

Средь ночи, вселенского мрака,
под сводами Храма души,
все ярче горит

свеча Пастернака,
и время не в силах ее потушить.

Светлей от нее и в доме,
и в округе,

и в мире светлее чуть-чуть...

Не смогут ее ни бураны, ни вьюги
в ладонях грядущего века задуть.

Спасут на ветру ее пламя,
взяв огонь на себя — снегири.

И вспыхнут рябины сквозь заметь
рассветной полоской зари.

Блеснув опереньем, петух прокричит,
и сыграет пастух на дудке...

Свет в ромашке

и в незабудке —
негасимое пламя свечи!

• • •

«Дай мне руку — на весь тот свет!
Здесь — мои обе заняты».

М. Цветаева

Два человека могут розно жить,
но души их — судьба узлом связала,
его ни развязать, ни разрубить...
Духовное — прочней металла.
Сей сплав космический — загадка,
таблицу Менделеева продлит ли кто?
Растенья душ из звездного порядка,
плоды их пробуйте лет через сто!
Они нетленны. Вечности секрет
разгадывают наши дети в школе...
К Серебряному веку подбирают колер.
Уходят лучшие. Им имя — С в е т!
Они уходят от погонь и от разлук,
их в этой жизни путь недолог...
Но души отдают они на круг,
избрав на жительство небесный полог.
О, все возможно в мире сем:
размолвиться, расстаться,
разлучиться,
иль крюк найти...

Взлететь над вороньем!
В последний раз идущим — поклониться...

9 октября 1992 г.

ПАМЯТИ АННЫ АХМАТОВОЙ

Твоя последняя обитель
среди старых сосен и берез.
Прости, коль век тебя обидел,
не поминай вчерашних слез.

Ты благ у жизни не молила,
в немилости несла свой крест.
Ах, рано ноченька сманила
тебя в осенний грустный лес.

Ковер из хвои под ногами,
поселок дачный где-то близ...
И слышится мне в птичьем гаме:
неотвратимы смерть и жизнь.

Склоняю голову в безмолвье,
погост не место для утех.
Цветы живые в изголовье —
искупленный народом грех.

Сжигают листья... Над поляной
воспоминаний горьких дым.
Я окликаю время: — Анна!
Бег времени неумолим...

ХУДОЖНИК

Памяти М. А. Егоровой (Троицкой)

Она жила среди картин,
в безденежье не унывала.
Боярыню Морозову напоминала
на фоне стареньких гардин.

Усохшей плоти естество
таило жар души неистой!
Давно ль была я в мастерской,
с окошком в мир единственным.

Известие о смерти потрясло:
угасла на ветру лампадка,
белесая на лбу потухла прядка...
Бессмертно — духа ремесло!

Валерию Фомченко

Три розы, три цветка
в твоей руке, как факел!
Я к ним притронулась слегка
в квартирном полумраке.

Три розы, три цветка —
зимою. Из какого сада?
Рассвет на тонких стебельках
коснулся пламени заката.

Три розы, три цветка...
Взяла их бережно, послушно.
В твоей руке — моя рука:
единодушие...

ДОРОГОЙ ЧАЕК

Ты вновь уходишь в океан,
на свет звезды, дорогой чаек...
Все повторяется сначала:
причал, корабль, скитальца сан.

Увидев Землю с корабля,
ты мне махнешь перед отплытием,
и дней отсчет начнешь с нуля,
уверовав в открытые...

Что лишь тебе дано соединить
зеленый лист с цветком медузы!
Большая честь — в моря ходить
во имя этого союза.

Мне не расслышать слов твоих,
кричу тебе я: — До свиданья!
Вся жизнь — один счастливый миг
от встречи первой до прощанья.

ЖЕНА МОРЯКА

Мне имя твое пестовать,
пока уста не устанут...
Мне без тебя бедствовать
на земле, как во вражьем стане.

Четки дней по ночам отсчитывать
в древнем Храме разлуки.
Твои письма до дыр зачитывать,
слыша голос твой в каждом звуке.

Тебя из плена выманывать,
став заложницей города...
У моря встречу вымалывать,
перед ним лишь склоняя голову.

У МОРЯ

Девочка — лет пяти,
мастерит из песка свой замок.
С тревогой на дочь глядит
вечность —

Великая мама..

Сегодня и завтра, и присно
первый

собственный опыт —
познания Божья искра,
золото высшей пробы!

ГОНЕЦ

Вставало море на дыбы,
взрочая валы тысячелетий,
сосредоточив взор свой на предмете,
что мне достался волею судьбы.

Шторм выбросил к ногам моим я н т а р ь,
кусочек солнца, обрамленный тиной.
Потерла о рукав его, как встарь,
и замерла перед картиной...

Под патиной затеплилась заря,
в меня переливаясь светом,
И сила колдовская янтаря
перенесла меня к истокам Леты.

Дивясь своей невиданной отваге,
я приоткрыла дверцу Бытия:
всю азбуку времен, от «а» до «я»,
донес мне муравей в янтарном саркофаге.

ЖИВАЯ ТЬМА

На свет слеталась мошкара,
светильник роем облепила,
и я ее почти любила —
ей жить всего-то до утра...
Но не дремали пауки,
за мошкой всю ночь охотясь.
Расставив сети и силки,
они без сна трудились в поте.
И копошились существа,
друг друга жадно поедая.
Пыталась я законы естества
понять, за ними наблюдая...
Их смерть деревья отпевали:
печаль не ведала границ.
«Летающие на свет —
 всегда в опале», —
прочла я в отблеске зарниц.

ТРЕВОЖНЫЕ МЫСЛИ

Когда друг в друге видим мы изъяны:
кривляние, кокетство, лесть..,
Мы говорим — наш род от обезьяны
произошел, попробуй все учесть.

Но каждый вправе усомниться
и выдать версию свою:
с дельфином, скажем, породниться
иль в родословной отыскать змею.

Есть люди — от рождения крылаты,
есть пресмыкающихся вид...
Кто от кого произошел когда-то,
потомок пусть определит.

От обезьяны ли, от птицы (час неровен),
но не возьму никак я в толк,
что кто-то рядом жаждет крови,
что кто-то рядом от рожденья — волк.

ЗАБВЕНИЕ

Величием и властью ослеплен
кричит собрат мне: — Руки вверх!
Так с давних повелось времен,
что человеком правит человек.
Прозрев, раба увидишь ты в себе.
Оглянешься вокруг —

о, ты не одинок!

Живуче рабство, как релей,
но где же господин, твой царь и Бог?
Один — прелюбодействует открыто,
другой ворует под покровом тьмы...
А третий во хмелю лакает из корыта
и тем доволен. Но ведь — это мы!
Так значит: ты и я, и Вы и он —
в пороках тяжких, как в коросте...
Кто в монастырь спешит,

а кто — на трон,
свободны мы лишь на погосте.

Наш гордый дух не терпит подаянья:
друг друга убиваем мы уже.

На смертном одре просим покаянья,
а нам бы раньше вспомнить о душе.

Изведав ад — проситься б в рай
и жить по совести: другого не дано!

Так пой, певец! И, музыкант, играй
для тех, кто сам себя отпел давно.

Центральная городская
библиотека им. А. П. Чехова

БЕЗДНА

Звериное все живо в человеке:
и волосатость душ и плоти узколобость...
Все чудится мне, чуть прикрою веки,
оттачивает рядом когти злобность.

Ты сам поймешь, припомнив случай давний,
что тень твоя — безумный твой двойник!
И, может быть, нет большей тайны,
что замышляет он — вот в этот миг.

ЕЕ РАССКАЗ

«Помни имя свое...»

В неравном поединке с тьмой —
слезинки светлость и репья букет...
Меж божьим Храмом и тюрьмой —
я выбираю анонимный кабинет.

Инкогнито вхожу я в дом...
(В грехах своих покаюсь позже).
Никто не должен знать о том,
что мной забыты заповеди божьи.

Забыла, кто я, что я, с кем?!
(Когда-то Ксюшей называла мама).
Отныне номер мне присвоен «тыща семь».
— Кто крайний, — вопрошаю, — я за вами!

Нас много, безымянных невидимок,
мы зашифрованы, нас в святцах нет!
Пути Господни — неисповедимы,
верни мне и м я, анонимный кабинет.

* * *

Охота пуще неволи —
выйти на зверя с ружьем
по следу во чистом поле...
Убить или взять живьем!

Охота пуще неволи —
поставить на зверя капкан,
увидеть, как воет от боли
лиса или глупый фазан...

Охота пуще неволи —
устроить облаву судьбе:
ни в лес устремиться, ни в поле,
а зверя убить — в себе.

ЗИМНИЙ ДЕНЬ

Безликие тени меня стерегут,
по снегу, вперед забегая, ползут.
Вольготно живется во мраке
завистливой злобе и драке,
удушливой страсти и лжи...
Так пусто вокруг — ни души!

...Как рано темнеет зимой.
Вся жизнь — испытание тьмой.

• • •
Все обиды, все печали
припорошило снежком.
Ох, лиха беда — начало,
снег хрустит под сапожком.

Намела сугробы вьюга,
перепутала пути...
Не прожить нам друг без друга,
как забор ни городи!

Тают белые снежинки
с именами: «Нет» и «Да».
Средь сугробов две тропинки
не сойдутся никогда.

БЕЛОЕ БЕЗМОЛВИЕ

Спеленала меня тишина,
я без боя сдаюсь ей на милость.
Будто время остановилось:
я на грани яви и сна...

Побежденная, но не раба,
я в плену у соснового бора.
Лет моих золотая арба
норовит соскользнуть с косогора.

Что судьбы колесо — на краю,
утаю от случайного взора.
Видно, чует погибель мою
на белейшем снегу черный ворон.

БОЛЬНИЧНЫЕ СТИХИ

1

Четыре женщины в палате...
У каждой — боль своя и свой недуг,
страх смерти,
и в душе испуг,
их не судите, Бога ради.

Белье казенное со штампом,
больничный выцветший халат...
В день посещений,
долгожданный,
к ним четверо мужчин спешат.

У каждого — свои заботы,
один угрюм, другой навеселе.
Уставшие, идут с работы,
взлетишь едва ли об одном крыле.

Мне не забыть глаза беды,
четыре женщины в палате...
Лишь у одной — сзетиночка
во взгляде,
лишь у одной — на тумбочке цветы.

2

День начинается с тебя,
с твоих шагов, замедленных за дверью,
с невысказанных слов: «Я верую, я верю...»
Со всякой снеди, что добыл любя.

День начинается с утра
и первой мысли: утро — это ты!
Я для молодых речей стара,
впадаю в ересь простоты.

День начинается с огня
в крови... Спешу обжечься, как дитя.
День начинается с меня,
воскресшей из небытия!

3

Три сорванца под окнами торчат,
чтобы увидеть мать в окошке,
и снова, как вчера, кричат:
— Мы принесли тебе картошки,
горячей, жареной... (Ну как не взять?)
И семенит к сыночкам мать.
К себе их прижимает,
улыбается —
и обещает им — быстрее поправиться!
...Никак нельзя ей умирать,
ведь завтра же придут опять.

ПОЕДИНОК

Сестры слезы украдкой прячут:
умирает парень в палате...

Ну, а он «никаких смертей!» —
мастерит веселых чертей
из капельниц,

трубочек разных...

Каждый день у него — праздник,

Подарил всем в палате по черту,
мастер, он ведь всегда в почете.

Скалят зубы бесы-уродины,
а ему захотелось смородины.

Захотелось — взглянуть на природу,
захотелось — огурца с огорода.

Потянулся он к жизни смелей,
сделал Черта голубых кровей.

Выжил парень, хоть «сидел на мели»,
не иначе, черти Мастера спасли.

В БАЗАРНЫЙ ДЕНЬ

1

Толпа не редеет. Веселые лица,
каждый шуткой спешит поделиться.
Народ за словом в карман не лезет:
смех от всякой хвори полезен...

Рядом цыганка гадает парню:
— Ты скоро, сокол,
 найдешь себе пару!
У друга невесту легко отобьешь,
но замуж подругу невесты
 возьмешь.

Рассказ ее ярок, обман — правдив,
чем-то похожий на детектив...
Парень смеется: — С невестой ясно,
а ты женой моей стать согласишься?

Цыганку смущает такой поворот:
видит — парень свое возьмет!
Плечом повела и ушла от ответа.
Толпа напирала: — Гони монету!

Хлеба и зрелищ требуют люди!
Всем хочется знать: что было, что будет?

2

Женщина собаку продавала,
наяву, а не в последнем сне.
К немощному телу прижимала
«младшую сестру» — утеху дней.
Мучилась и горевала
в предчувствии разлуки,
и бесконечно повторяла:
— Только бы в хорошие руки!
И обещала цену снизить,
и о цене понятия не имела.
...Живое о живом раздело —
и это надо было видеть.

3

Кто-то выпустил злого джинна,
парня сбilo случайно машиной
в черный, бурей меченый день.
Он застыл у обочины немо
синий взгляд устремив в небо,
слыша солнечных песен звень.
Сердце билось все тише, тише —
скончался скоропостижно,
рухнул, как дерево, кроной в тень.
С корнем наружу —
вывернула смерть душу,
выворотень...

ИЗ ЦИКЛА «МАСТЕРА»

1

ПЛОТНИК

Всему удивлялся, смотрел отрешенно,
наблюдая за ласточкой

и муравьем...

Он любил мастерить,

и сверкал его дом,

рукотворчеством освещенный!

Над крышей — конек, узор на окне,
сияет столешницей стол.

Полка для книг прилепилась к стене,
будто ласточкино гнездо

2

РУКОДЕЛЬНИЦА

Вяжет кофточку дочери Лиля...

Мелькают в руках ее нити,

как крылья!

Слетают легкие петли со спицы —

и мастерица мне кажется птицей,
вольной пичугой,

поющей на ветке...

Вяжет Лиля костюм для соседки,

свитер для мамы,

берет для подруги.

Прекрасны в работе поющие руки.

3

ХИРУРГ

Лоб покрылся капельками пота:
у стола весь день, как у станка.
У него «стоячая» работа,
в тридцать лет —

осанка старика.

Сняв перчатки, пот смахнет рукой,
скажет тихо: — Будет жить..,

Безупречный шов оценит лишь

портной

и позавидует — уменью шить.

4

ФОТОГРАФ

Фото на память, счастливый случай,
взгляд на себе — и только...

— Вы лучше, чем есть. Вы — лучше, —
каждому скажет Ольга.

Веселого парня попросит задуматься,
с ребенком — сама засмеется.

Девчонка-подросток

на фото — умница!

И счастлива Оля: ей все удастся.

Посадит злого с юпитером вровень,

оттаит душа его, дрогнут брови,

от доброго слова все зло

растворится!

...Фото на память, какие лица!

ПОЭТ

Он устроился дворником в ЖЭКе,
выбеливает черновики дорог...
Скажет вдруг: — Я убит подо Ржевом,* —
вспомнив любимейшую из строк.
Для себя он не ищет выгод,
очищая от мусора двор,
но — это единственный выход:
в стихи переплавить сор.
Боится нечисть
его верлибров...
Страх навел он на всю округу,
но — это единственный выбор, —
к красоте приложить руку!
По ночам он пишет поэму,
и твердит: «Я убит подо Ржевом...»
Лист с деревьев летит порыжелый,
снится пуля шальная поэту.

* Строка из стихотворения А. Т. Твардовского

КАРТИНКА ИЗ ПРОШЛОГО

Царя приветствует народ
на площади: и стар, и млад,
Иван-дурак поклоны бьет —
толпе он тоже рад!

Напялив клоунский колпак,
он прошибает стену лбом,
поет и пляшет за пятак,
да так, что пыль летит столбом!

Хочет царь над мужиком:
— Тебе ль меня затмить?
Он издает указ тайком —
Ивана-дурака казнить.

Пошел на плаху он, чудаки,
но был спасен судьбой...
Корона царская и шутовской колпак,
два знака власти над толпой.

СЕАНС ГИПНОЗА

Не боюсь я «остаться с носом»,
увлекаюсь, как все — гипнозом!
Занимаюсь внушением с утра:
«Я красива, умна и добра...
Стороной обошло меня зло,
и в любви мне, скажу, — повезло!
В моих мыслях царит чистота,
и не портит меня полнота.
Блеск в глазах
и походка легка.
В пятьдесят —
мне не дашь сорока!»

Жизнь прекраснее день от дня,
но... течет она мимо меня.

ПЕРВЫЙ БАЛ

Кате

Наряжает дочку мама —
день рожденья, «выход в свет»...
На окошке — вербы цвет,
солнце льнет к оконной раме.

Катя в платьице из ситца,
голубее неба взгляд.
На макушке бант, как птица,
ей к лицу любой наряд.

Ей к лицу любая лента,
и улыбка, и каприз...
Катя, Катя, однолетка,
ты — мой главный в жизни приз!

Зацветает верба в марте:
или пан, или пропал...
Ровно год сегодня Кате,
а точнее — первый бал.

15 марта 1992 г.

Сияний северных волна
по самой кромке неба...
А на моем окне — весна:
в стакане ветка вербы.
Казалась ветренной судьба
в краю зимы пустынным.
Я челку убрала со лба,
и корешки пустила.
И прижилась на мерзлоте,
и подружилась с тундрой,
и родила двоих детей,
и было мне, как вербе, трудно.
Спешили к югу поезда,
оттаивала Ваенга...
Я возвращаюсь в те года:
— Пришлите срочно валенки!

СЛУЦК*

Школьным друзьям

Мой город детства — памяти эскиз,
к нему с тоской я стираю руки...
Там речка Случь течет у дома близ,
зовёт вернуться каждою излукой.
Нырять в сон, как в омут, с головой:
тону в реке с букетом желтых лилий.
В дырявой лодке друг, спаситель мой!
(Спасать друг друга в детстве
мы любили).
Речушке следуя, стремились мы к морям
за тридевять земель от дома,
но, как бы ни отсутствовали долго —
ему не изменяли ни на грамм.
Вся жизнь — и несколько минут,
и вкус воды из отчего колодца...
Кораблик детства помнит свой маршрут,
от сердца к сердцу
путь найдет без лоций.
Ну что грустишь, мой капитан?
Не сбился с курса, значит, все в порядке.
...Жив в парке старенький фонтан,
и снова вальс звучит на танцплощадке.

* Райцентр в Минской обл., один из древних славянских городов, впервые упоминается в 1116 г. в «Повести временных лет».

ПОЛЯРНАЯ НОЧЬ

Над рекой, над Случью
ивушка плакучая...

Как же ты далече,
как ты дзлека!

Над рекой, над Случью
мне жилось получше,
посветлей, полегче,
помнишь ли, река?

Над рекой, над Случью
мама верит слухам,
будто здесь морозы
больше сорока.

Снег в лицо колючий,
дня не видно в тучах,
карлицы-березы,
ягода горька...

Над рекой, над Случью
ты не верь тем слухам.

а скажи знакомым,
близким повтори:

— Дочь живет всех лучше
за Полярным кругом,
Звездный ковш над домом,
у дверей — Гольфстрим!

Во тьме быть зрячей — жизни кредо,
так видит в лоне матери дитя.
Вхожу на ощупь в суть предмета,
как входят в тему бытия.

Рассвет зимой подобен ночи,
но знаю я, «печаль моя светла».
Фонарь над головой взлетел, как кочет,
и свет коснулся моего чела.

Из тьмы кромешной прорастает день,
сливаюсь с ним, предвидя лето...
Зазеленел судьбы моей плетень,
пошли, январь, мне испытанье светом!

ПУТЕМ ВСЕЯ ЗЕМЛИ

(ВЕНОК СОНЕТОВ)

1

Во времени я замедляю шаг,
свой совершая путь вкруг солнца.
Текущим днем больна душа:
коль тонет судно, кто спасется?

Уводит вглубь веков пространство,
и манит в небесье птичий прай...
О, дай мне силы, Муза Странствий,
за дерзость мысли не карай,

под дудочку мою пляши!
Далек ли путь, завещанный от Бога,
в грядущее иль в «никуда» — дорогах?

Когда луна взойдет в тиши,
я, повинувшись воле рока,
спускаюсь в тайники души.

2

Спускаюсь в тайники души,
со мною поводырь мой — память.
Читатель-друг, по полкам разложи
все то, что было за семью замками.

«Врагов народа» хоронили без могил,
глубокий ров — последняя обитель,
К позорной смерти их приговорил
мечтавший о бессмертии правитель.

Собрав всю правду по крупичам,
о них поведал миру Солженицын,
увековечив именем «Архипелаг ГУЛАГ».

Я с ними не спешу проститься,
в грядущее свой устремляя зрак,
где жар пустынь, пещерный мрак.

3

Где жар пустынь, пещерный мрак —
непредсказуема дорога.
И дорог взгляду всякий знак
истории, спешу к ее истокам...

Песчинка на дороге — человек.
Бесследно он не исчезает,
он жернова времен из века в век
кровинкой каждой осязает.

В себя вбирает все окрест,
несет, как ни тяжел, свой крест
до той, отмеченной межи,

где васильки цветут во ржи...
Мне голос слышится: «Христос воскрес!»
Видений смутных миражи.

4

Видений смутных миражи
тревожат сон, туманят разум.
Простор России — не окинуть глазом,
я верую в бессмертие души!

Отчизна, как Христос распятый,
кровавые сочатся раны...
В семнадцатом и в сорок пятом
ты на щите, в шинели рваной,

Уверовав в свое предназначенье,
в новорожденное дитя вселила веру,
придав рожденью моему значенье...

Песчинка с колеса кочующих племен,
кричу от света я, спеленутая ветром.
Я окунаюсь в марево времен.

5

Я окунаюсь в марево времен,
уносит сон в средневековье...
Табун коней. Реки верховье.
Дыханием степей мой дух силен!

Я поклоняюсь Солнцу и Дождю,
седлать коня приучена я с детства.
Мой дед оставит мне в наследство —
культ поклонения В о ж д ю...

С дождем он в кровь мою войдет,
монархов всех переживет,
и станет достояньем мифов.

О Сталине потомок мой прочтет.
Двадцатый век свой завершает счет...
Передо мной — гробницы скифов.

6

Передо мной — гробницы скифов.
О, сколько тайн хранят погосты!
Мила мне ветреность Калифа:
мы на земле обетованной — гости.

Очерчен на столе от лампы круг,
листаю пожелтевшие страницы.
Уж за полночь, слипаются ресницы,
все тише, тише сердца стук.

Истлели черепа в веках
тех, кто в могилах погребен.
Кто умер, кто в кострах сожжен —

Кто виноват из них, кто прав?
Священный почитаем прах.
Не сохранили времена имен.

7

Не сохранили времена имен
сородичей моих безвестных.
Мой дальний предок был умен
и зряч в делах сердечных.

Умел любить до пробовой доски,
умел гулять напропалую...
Мог стинуть в одночасье от тоски,
стянув на шею петлю роковую.

Пути Господни неисповедимы:
зовемся все людьми мы,
и люб нам труд Сизифа.

Не важна нам трудов цена,
забыты многих имена...
Рождаются и умирают мифы.

8

Рождаются и умирают мифы.
Бессмертны подвиги Геракла.
Над Прометеем кружат грифы,
пророчат гибель нам оракулы.

Развенчан миф о коммунизме,
и застыл свет нам — мертвых тени.
Мы на пороге вандализма,
как шатки под ногой ступени.

В единоборстве лук и лира...
Не сотвори себе кумира
ни из раба, ни из тирана,
ни из опального поэта —
опонь таится в пепле Эты.
Я счет веду от безымянных.

9

Я счет веду от безымянных,
от тех, что именем еще не нарекли.
Они чисты, как церковь на Нерли,
новорожденные Марины, Анны,

Борисы, Глебы, Александры...
Для вас пишу я свой сонет.
В нем полевых цветов букет
и терпкий запах олеандра.

Путь к истине да будет прост:
в букете спрятаны шипы от роз,
чтоб вы выросли на нашей боли.

Над рабством встали в полный рост
и радостью смогли засеять поле.
Вам — корабли вести до звезд.

10

Вам корабли вести до звезд,
над облаками рея...
Вам сеять гречку и овес
в космических оранжереях.

Я гляну ввысь из-под руки,
смахну слезинку:
не птиц увижу косяки,
а звездолет с картинки.

Уходит лайнер в синеву,
я днем сегодняшним живу.
Из космоса над бездной мост!

В моей котомке хлеб насущный,
и я спешу к небесным кущам,
не замечая длинных верст.

11

Не замечая длинных верст,
я суть вещей и истин постигаю.
Служа другим, я, как свеча, спораю.
Стекает, застывая, воск...

В нем пламя страсти, жар соблазна,
речей и отречений слиток.
Невыносима жизнь, и все ж — прекрасна!
О ней моих сонетов свиток.

Вонзались в сердце стрелы зла,
я боль Отечества в себе несла,
свои не помня раны.

Я потеряла счет ночам и дням,
и привела дорога в Храм...
За грех людской молюсь я покаянно.

12

За грех людской молюсь я покаянно,
да не прольется в войнах кровь!
Вкусив запретный плод познания,
из всех грехов — боготворю любовь.

Ей на земле и править, и рядить,
и потакать любому зелью.
Мой друг, спустишься с небес на землю,
чтоб древо у дорожки посадить
для птицы, человека, муравья...
С устройством тайным бытия,
ты сохрани планету голубую!

О ней поет лесной ручей,
Вникаю в суть его речей,
слов не бросая все.

13

Слов не бросая все,
беседуют деревья в свете дня.
Я, как колоду карт тасуя,
цветов перебираю имена.

Ромашка, клевер, вересок
и друг мой верный подорожник.
Побуду с вами я часок:
без отдыха в пути негоже.

И хоть легка я на подъем,
в пути надежнее вдвоем —
вот повод для раздумья.

На смену дням приходят ночи,
и с каждым часом дни короче...
Путем всея Земли иду я.

14

Путем всея Земли иду я,
все шире предо мною оком.
Погоды с моря уж давно не жду я,
не защищен от бурь мой дом.

Во мне — моря и океаны,
и все приливы и отливы.
Во мне все города и страны,
несчастных боль и смех счастливых.

Умерших и убитых тени,
во мне — судеб переплетенье.
Над пламенем свечи — скрещенье шпаг.

О помощи слепцу, сонет,
внутри себя увидеть свет!
Во времени я замедляю шаг.

15

Во времени я замедляю шаг,
спускаюсь в тайники души,
где жар пустынь, пещерный мрак,
видений смутных миражи.

Я окунаюсь в марево времен,
передо мной пробницы скифов.
Не сохранили времена имен.
Рождаются и умирают мифы.

Я счет веду от безымянных,
вам — корабли вести до звезд!
Не замечая длинных верст,
за прех людской молюсь я покаянно.
Слов не бросая все,
путем всея Земли иду я.

* * *

Я каждый год больна апрелем,
томится ожиданьем дух,
всю зиму длится мой недуг
до первой соловьиной трели...
В ночной сорочке,
 будто в рясе,
перед свечой шепчу я стих.
Я прозреваю в одночасье
среди черемух луговых.
Освобождаюсь от томленья,
приемлю солнце, слякоть, дождь!
Вся хворь моя ушла в растенья,
в растерянность,
 в бессонниц дрожь.
Я исцелилась светом слова,
скрывать мне это не резон:
я обрела покой и сон —
до новых мук,
 до вдохновений новых.

* * *

Затоплен луг до перелеска,
и лодку паводком снесло...
Но ждет ее, внимая плеску,
в траве забытое весло.

Апрельский лес полупрозрачен,
восходят к солнцу дерева:
в них майский след уже означен,
идет весны девятый вал!

Идет он в диком буйстве красок...
В лугах — черемух перезвон,
и длинный день весенний — краток.
Да будет он в душе продлен...

СИРЕНЬ

Цветет сирень, и сад благоухает,
и воздух ароматом напоен.
Блаженный Врубель красоте внимает,
он пламенем ее дотла сожжен
и к жизни новой воскрешен,
как Феникс.

Достоин кисти вешний сад!
Что вечность? Веточка сирени,
иль озаренный светом
взгляд?

Четыре лепестка —
цветок-смиренье,
невзрачен он и неказист на вид.
Прекрасен в общем он цветеньи,
когда весь куст огнем горит...
Сирени синее свеченье —
трепещет каждый лепесток,
даруя истинный восторг,
не ведая о смысле и значеньи.

* * *

Мне нравится ходить в учениках,
прилежной быть, не лезть в карман
за словом...

Дерзить и каяться в прехах,
и замышлять проказы снова!
Мне нравится ходить в учениках,
у скверной жизни — быть на побегушках,
писать дневник при свете ночника,
чтоб днем читать его подружкам.
Мне нравится ходить в учениках,
учителям придумывая клички.
Протерлись локотки

у «платыца-привычки,
растут из Вечного стихи о пустяках.

Мне нравится ходить в учениках,

БЕССОННИЦА

О ночь моя — печальная юдоль,
гляжусь в твои кривые зеркала.
Ты искажаешь суть мою, уволь,
я от тебя иного не ждала.

Я в зеркала кривые насмотрюсь,
чтоб знать, какую век не стану.

В угоду дню от сна я откажусь,
ню для посева горсточку семян

дэстану...

О ночь моя, светлей ста солнц, черна
над бороздами свежих строк:
исписан лист и вдоль и поперек,
готова пашня для зерна.

У лести много добровольных слуг,
но правит ложь, ее превыше трон!

Ночь праведнее дня, ее не тронь...

Пиши, перо мое, паши, мой плуг!

* * *

Слова слепые, как щенки,
к бумаге льнут доверчиво.
Люблю стихов черновики:
в них нет и тени вечною.
Слепцы прозреют точно в срок,
и запоет душа-соловушка!
Сокрыта тайна в черни строк,
среди туч светлее солнышко.
А кляксы, будто маяки,
укажут путь единственный.
От перечеркнутой строки —
один лишь шаг до истины.

ПЫРЕЙ

(СОНЕТ)

Пырей, пырей — сорняк любимый мой!
Наш поединок столько лет уж длится:
ты можешь мертвым притвориться —
и вновь ожить от капли дождевой.

С тобой сражюсь летом и весной.
ты — соль земли, иль космоса частица?
Ползуч, как змей! Крылат, как птица...
Обманчива победа над тобой.

К тебе я больше не питаю зла,
соседей с овощами, божий злак:
нет сорняков у матери-планеты.

Тебе, пырей, сонет мой посвящен!
Бывает мужеством врага сражен
тот, кто испил винс победы.

ЭЛЕГИЯ

Невыносимо стало вдвоем:
одиночество — в горле комом.
Сил хватило покинуть дом,
в сумрак ночи уйти из дома.

Поселился в саду заброшенном,
вспомнил добрый пещерный век.
В ночи праведной, в мире божьем
не пропал — человек...

Зазвенели во тьме крошечной
сонатины ночных певцов!
И душа его — вечный скворечник,
приютила бездомных птенцов.

ЖЕНЩИНЕ, ОЖИДАЮЩЕЙ РЕБЕНКА

Тесно в утробе материнской плоду,
созвучна песне — жизни завязь.
Сбылось, свершилось

таинство природы
цветам и деревьям на зависть!

Юбочка вздыбилась. Растет живот.

Движения медлительны и плавны...

Ревнивец-муж в глазах твоих прочтет,
что тот, внутри тебя,

соперник главный!

ЮРА*

Века смутного дитя —
колокольчик сладкозвучный!
Скрыта радость бытия
в первом зубе злополучном.

В шепелявом первом слове,
в осторожном первом шаге.
Я дивлюсь твоей отваге,
я с тобой сильнее вдвое!

Победить смогу я в споре,
устою на шатких сходнях,
твое имя пахнет морем,
ровно под тебе сегодня.

В палисаде — астр цветенье,
на лугу отаву косят...
Корешок пустило в осень
многолетнее растение.

* С литовск. — море

* * *

Я усомнилась в аксиомах,
что ночь — черна, что светел — день.
Мне ночи белые знакомы,
от черных дней на сердце тень.

Я в старых истинах копаюсь,
перебираю ветхий хлам...
Старьевщику уподобляюсь,
не став богаче ни на грамм.

Я древним книгам знаю цену:
так быстротечен жизни миг!
Мой мед из горечи сомнений,
из терпких запахов земных...

Но дочь, воробушек ершистый,
чирикает на свой манер:
дороже ей известных истин
мальчишки-сверстника пример.

СОХРАНИ И ПОМИЛУЙ

(Триптих)

1

Как знакомы мне: горечь измены,
чувств оскомины, слов ледок...
Видно, не совместимы гены
наших общих с тобой дорог.
Поверх меня скользишь взглядом,
с потерей, душа, смиришь.
Память вспять. Так мне и надо:
не в свои сани не садись!
Белый свет на тебе — клином,
осталась одна, как перст.
Из мопилы тебя окликну:
— Рано ставишь на мне крест.

2

Стала кровь моя черной в венах,
опалил мою душу зной...
О твоих я забыла изменах:
Богу — божье, а ты — земной!
Был роднее родных, стал — прохожим,
оттого мне милее толпа.

Осязаю потерю кожей,
«сохрани и помилуй» — мольба.
Бок о бок с тобой, незнакомым,
нас уносит людской поток...
Пуще смертной тоски — истома!
Я жива... Но тебе невдомек.

3

Я ни в чем тебя не виню...
Встречу в будущем предугадаю!
Я себя еще догоню,
в босоногой девчонке узнаю.
На дороге твоей — змею
хворостиною исхлестаю.
Я себя еще догоню
в журавлиной высокой стае.
«Сохрани и помилуй, — молю, —
не меня, моих вещей птиц!».
Я к ногам твоим падаю ниц,
все равно я тебя
люблюю.

НАВАЖДЕНИЕ

Вновь приснился мне твой бережок:
заждалась я тебя, дружок...
До тебя далеко, как до звезд,
перекину к тебе я мост!

Вижу грусть твою за версту,
давай встретимся на мосту.
Ах, какая теперь благодать,
до тебя мне — рукой подать!

— Здравствуй, милый, — тебе шепчу,
а во сне почему-то кричу...
До тебя мне — подать рукой,
но спешишь ты на встречу с другой.

* * *

Мой взгляд, исполненный печали,
подобен был закатному лучу.
Я зябко повела плечами —
и показалось мне, что я лечу!

Лететь мне вовсе не хотелось,
был так привычен мой уклад:
земная благодать питала тело,
но дух сильнее был стократ!

Он рвался ввысь, как змей бумажный,
и я вдруг отпустила нить...
Печаль узнала я однажды —
и жажды мне не утолить.

НАСТРОЕНИЕ

Тополиная аллея,
приюти последний взгляд.
Ни о чем не сожалею —
годы радугой пестрят...
Красный, желтый, голубой —
промелькнут под небом синим.
Не хочу судьбы иной —
я приписана к России.
К старым липам, к тополям,
к тихим заводям, излукам...
С каждым днем милей Земля
перед близкою разлукой.
Ты прости, мой друг, прости
грустной мысли подоплеку.
Тополиный лист в горсти
я возьму с собой в дорогу.

* * *

Вьется улица прямая,
у реки — извилист путь.
Я тебя совсем не знаю,
но уже люблю чуть-чуть.

Будто стрелы Купидона,
взгляды жаркие твои...
Говорят, на суше тонут,
умирают от любви!

Легкокрылый одуванчик,
ты когда успел отцвести?
Вышью розами карманчик —
о любви подам я весть.

Обожгу случайным взором,
без тебя, скажу, тоска...
Я — река, так стань же морем!
Вот тебе моя рука...

НОСТАЛЬГИЯ

С. А. Снегов

1

Вы сумели меня вдохновить,
песнь пропеть об ушедшем столетии
Я узнала Вас в милом корнете...
Вы сумели меня вдохновить.

Я хочу в девятнадцатый век,
где мазуркам и вальсам внимали,
где язык вееров понимали —
я хочу в девятнадцатый век.

Я свела бы Вас в танце с ума
взглядом, полным тоски и печали.
Повела бы небрежно плечами...
Я свела бы Вас в танце с ума.

Так быстрее же встаньте с колен,
отпустите, корнет, мою руку.
Я не вынесу с Вами разлуку,
так быстрее же встаньте с колен.

2

Вы хотели мне что-то сказать,
тайной мысли поведать причину...
Что ж, мне лестно увидеть мужчину,
не умеющего танцевать...

Вы простите мне вольность, корнет,
посмотрите, ну чем мы не пара?
Мы тихонько споем под гитару,
мы восславим стихами рассвет.

Вы хотели о чем-то спросить
на исходе далекого лета?
Я храню лепесток из букета —
Вы цветы так любили дарить.

3

«Мадам, уже падают листья...» —
напомнили Вы мне вчера.
Любовь — это дар бескорыстья,
а жизнь — это бал до утра!

«Мадам, уже падают листья», —
я слышу Ваш звонкий смех...
Мгновенье хочу продлить я:
«Ну что ж, хорошо, что не снег!»

«Мадам, уже падают листья...» —
понятен мне Ваш намек.
Так грустно бывает от истин,
прочитанных между строк.

* * *

Волна, на берег набежав,
тотчас стекает снова в море,
в песок вонзая тыщи жал —
но не помочь Юрате в горе.
Ключ от коварного замка
вовек не отыскать ей...
Из слез светла ее река,
крепки цепей объятья!
— А чем тебе могу помочь я? —
спросила у меня волна.
— О, сделай так, чтоб днем

и ночью

была я в доме не одна...
Чтобы любимый был со мной,
не мыслю о другой награде.
Поведал мне морской прибой
легенду о Юрате.

ДОРОГА НА СВЕТОГОРСК

Мне поздно менять привычки:
люблю я летний сезон...
Зеленый вагон электрички
несет меня за горизонт.
Оставив дела и заботы,
и долгие споры с собой,
сойду я на берег под своды
летающей волны голубой.
Земные утрачены гены!
В стихии морской растворюсь.
Явлюсь Афродитой из пены,
в одежды свои облачусь.
С блаженной улыбкой обманной
поверю, что смерти нет...
Найду у себя в кармане —
«туда и обратно»
билет!

МОРСКИЕ ЭТЮДЫ

1

Курортный городок, с названьем древним Раушен*,
что значит в переводе — шелестящий...
Увижу вдалеке, из-под шелома Башни
рыбачий сейнер, по волне скользящий.
А ближе к берегу — два лебедя плывут,
(как прикроватный коврик в стиле «ретро»)
Неведомо откуда занесло их ветром,
чтобы украсить грезой мой этюд.

2

Стирает море времени следы,
волнует ум мой и воображенье,
как Баха клавиры, как Босха холсты...
Необъяснимо его притяженье!
Неукротима морская стихия,
и в лоно ее устремляются реки.
О море Варяжском** пишу стихи я,
как будто иду «из варяг в греки».

3

Мне кажется, я здесь бывала раньше,
я на себя смотрю издалека...
К бумаге тянется рука,
а сердце — к памяти, отпить из чаши.

Вдвоем с тобой так одиноко,
а без тебя — мне жизни нет...
О дай мне, море, третье око:
на донышке души твоей — увидеть свет.

4

Брожу одна с собой в разладе,
под зонтиком средь дюн, у моря...
Дождь моросит, с утра заладил,
напрасно жду тебя у мола.
Отброшу зонт и вымокну до нитки,
в небесном искупаюсь водопаде,
и в образе крылатой Ники —
Успеешь ты запечатлеть меня во взгляде.

5

Мой день ненастный в Лету канет,
незримо растворясь в пространстве.
Бушует море, будто зверь в капкане:
знать, нет в природе постоянства.
Сверкнет янтарик под ногами,
освобожу его от тины...
И отразится мир весь в камне,
без моря не было бы картины!

6

Тень древа на песке показывает время,
мне солнечные нравятся часы.
Ушедших лет все тяжелее бремя,
но день сегодняшний несу я на весы.

Уравновесить дни даю лишь небесам,
пока не оборвется нить внезапно...
Живу, как дерева, по солнечным часам,
с одним желанием — тебя увидеть завтра.

7

Читатель мой, стихи не дочитав,
ты волен бросить их в корзину.
Но коль услышишь музыку октав —
соедики наброски вседино:
дождем размытый контур моря.
двух лебедей, плывущих сквозь века
и женщину под зонтиком, с которой
ты, может быть, увидишься... Пока!

* Ныне г. Светлогорск.

** Одно из старых названий Балтийского моря.

* * *

Как пахнут травы скошенного луга
у стен прозрачных мироздания...
Луна, горбатая с клюкой старуха,
идет по облаку и просит подаянья.
Ей реки дарят серебро,
луга — настой цветов и трав,
Земля исправно платит ей оброк
с железных крыш и трепетных

дубрав.

Собрав дары, ложится спать колдунья,
созвездье Гончих Псов

хранит ее покой...

Путем всея Земли иду я —
и рядом тень моя стучит клюкой.

* * *

Я землю предков свято чту...
Мне Родина дана в наследство.
Приму, как дар, ее мечту,
благославляя травы детства.

Во мне сады ее цветут,
через меня — накатом вюлны.
В моих артериях текут
и Припять-боль и память-Волга.

Даю цветам я имена,
и с каждой веткой в связи кровной.
Удочеряю в ре м е н а
под вечной звездной кровлей.

РЕМОНТ

Леше

Смыты копоть, пыль и грязь
с потолка, со стен и окон...
Поседел у дочки враз
от побелки рыжий локон.

Обновился в первоснежье
наш квартирный уют,
но следы из жизни прежней
мне покоя не дают.

Жаль картины пожелтевшей,
снится старенький рояль.
Жаль свечи мне отгоревшей,
отболевшей мысли жаль.

Вспоминаю годы с болью,
от тоски черно кругом...
Почему же мы с тобою
не побелим Память-дом?

Скрыли новые обои
старых стен печальный нимб.
Почему же мы с тобою
копоть времени храним?

О СЕБЕ

Мне в двадцать — нравилась весна:
я от апрельских дней хмелела.

Мне ночью было не до сна,
но я весной переболела,
и к тридцати — влюбилась в лето!

Царил в душе июльский зной,
оставив памятную мету,
наполнив чувства новизной...

Поверив в первый снег всерьез,
зиме я в сорок поклонялась,
душа от скверны очищалась,
не страшен был любой мороз!

Узнала осень в пятьдесят,
подняв опавший лист кленовый.

В его лучах предстал мне сад,
с прозрачным яблоком медовым...

Упало спелое в траву,
и детским смехом проросло

и строчкой.

О молодость моя — две дочки,
мой сон апрельский наяву!

ДВАДЦАТЬ ЛЕТ СПУСТЯ...

Мне не вернуться в те года,
когда была я молода!
Мне не найти той встречи след,
когда тебе сказала «нет»!
А ты просил: — Не уходи!
А ты молил: — Ну, погоди...
Ты говорил: — Нам по пути.
Ах, дважды в реку не войти!

Но потекли вдруг годы вспять,
тебя я встретила опять...
Ну что такое двадцать лет!
Из той зимы оттаял след.
Душой я снова молода
и хочется сказать мне: — Да.
И хочется побыть вдвоем...
Но говорим мы не о том.

Отводишь в сторону ты взгляд:
я замужем, и ты — женат.

Растим в любви своих детей,
ксрооче, все — как у людей!
Но почему же мы расстались!
О, как тогда мы целовались!
Мне крикнуть хочется: — Прости...
Но дважды в реку не войти!

ПРЕДЧУВСТВИЕ ВСТРЕЧИ

В. К.

Скорый поезд идет так медленно,
ливнем вымыто солнце медное...
И душа ото льда вдруг оттаяла!
Вся поэзия — сказ про тайное.

Так щедры от тебя подарки:
разноцветье садов и парков.
Над Невой — белые ночи,
у июня — твои очи...

Ах, как сладко цветут акации —
не на той я сошла станции.
В серый сумрак кутаю плечи,
вспоминая о нашей не-встрече.

СОЗВУЧИЕ

Я свой настраиваю стих
на птичий гам

и колокольный звон,
и на твое тишайшее «прости»...

Одной октавы мал диапазон.
С чужих застолий песен крохи
если я заполночь в свой дом.
Разбойником с большой дороги
грохочет в черном небе гром!
Я слышу лейтмотив грозы,
струн дождевых звучание...

А в доме тикают часы,
мною заведенные заранее.
Строку сверяю с тихим «ля»
в груди, и вижу —

результат конечный:
мне откликается Земля
шуршаньем трав

и стоном человеческим.
За что Господь послал мне муки,
зачем отверст
мой бедный слух?

Познать усладу в чистом звуке
нам в этом мире недосуг.

* * *

Не разгладить ткань стиха,
бесконечны складки, сборки...
Звонко день, а ночь — тиха,
сладок сон полыни горькой.

Проступает между строк,
между сборок, между складок
тот особенный порядок,
что не терпит лжи и склок,
что гармонией зовется...

Ей под стать любой узор,
но немногим удается —
вы ткать свет вечерних зорь.

Лишь немногим по плечу
тайна ткачества батиста...
Всею жизнью я плачу
за лоскутья старых истин.

* * *

Люблю, когда оттаивают души,
до самой сокровенной сердцевины,
и оттепель барьеры недоверья рушит,
и разные по сути мы — едины!

Мы все родня по духу, не по крови:
друг друга понимаем с полуслова...
В пространство ночи форточку откроем
и в тишине закурим снова.

Соприкоснутся взгляды на мгновенье,
и сократятся на йоту расстоянья.
И станет слышно комнаты сердцебиенье,
когда наступит время расставанья.

Вдруг кто-то скажет: не пора ли
нам по традиции наполнить рюмки?..
И зазвучат в торжественном хорале
хрустальным звоном трепетные руки.

Ты навсегда запомнишь этот ужин,
ведь час души не повторится...
Поймешь, что ты кому-то нужен,
когда настанет время расходиться.

СОДЕРЖАНИЕ

«В глубь бессонниц прорастаю»	3
«Сколько ниточке ни виться»	4
Костер	5
Свеча Пастернака	6
«Два человека могут розно жить»	7
Памяти Анны Ахматовой	8
Художник	9
«Три розы, три цветка»	10
Дорогой чаек	11
Жена моряка	12
У моря	13
Гонец	14
Живая тьма	15
Тревожные мысли	16
Забвение	17
Бездна	18
Ее рассказ	19
«Охота пуще неволи»	20
Зимний день	21

«Все обиды, все печали»	22
Белое безмолвие	23
Больничные стихи	24
Поединок	26
В базарный день	27
Из цикла «Мастера»	29
Картинка из прошлого	32
Сканс гипноза	33
Первый бал	34
«Сияний северных волна»	35
Слуцк	36
Полярная ночь	37
«Во тьме быть зрячей — жизни кредо»	38
Путем всяя Земли (венки сонетов)	39
«Я каждый год больна апрелем»	48
«Затоплен луг до перелеска»	49
Сирень	50
«Мне нравится ходить в учениках»	51
Бессонница	52
«Слова, слепые, как щенки»	53
Пырей	54

Элегия	55
Женщине, ожидающей ребенка	56
Юра	57
«Я усомнилась в аксиомах»	58
Сохрани и помилуй	59
Наваждение	61
«Мой взгляд, исполненный печали»	62
Настроение	63
«Вьется улица прямая»	64
Ностальгия	65
«Волна, на берег набежав»	67
Дорога на Светлогорск	68
Морские этюды	69
«Как пахнут травы скошенного луга»	72
«Я землю предков свято чту»	73
Ремонт	74
О себе	75
Двадцать лет спустя	76
Предчувствие встречи	78
Созвучие	79
«Не разгладить ткань стиха»	80
«Люблю, когда оттаивают души»	81

Альбина Григорьевна Самусевич

НАТЕЛЬНЫЙ КРЕСТИК

Редактор Э. Круглова.

Художник В. Рябинин.

Калининградское издательско-полиграфическое объединение
236000, г. Калининград обл., пр. Мира, 5

Сдано в набор 1.03.93 г. Подписано в печать 26.04.93 г.

Формат 60x84 1/32. Бумага писчая.

Гарнитура журн. рубл. Печать высокая. С-10.

Усл. печ. л. 2,3. Физ. печ. л. 2,5.

Заказ 11849. Тираж 1000 экз.

ц. 70р.

Альбина Самусевич — член Союза российских писателей, автор двух поэтических сборников «Утренний обход» и «Дайте женщине сад». «Нательный крестик» — третья книга ее лирики.

В книге стихов Альбины Самусевич «Нательный крестик» продолжена линия судьбы нашей современницы, калининградки, доверчиво и ярко раскрытая в двух ее предыдущих книгах.

Спонсор издания — Региональный торговый дом «Янтарный берег».